

ГЛАВА 1

Амьен. 1913 год

Дождь лил не переставая. Капли барабанили по железному козырьку, отскакивали от него, вливались в поток, бегущий из водосточной трубы, растекались по двору. Две большие канавы по краям дороги не справлялись с напором, и площадь перед домом превратилась в настоящее озеро.

Я грустно вздохнула. Ненастье. Обычное кроненгаудское ненастье. Низкие серые тучи зацепились за шпили Амьена еще вчера утром и с тех пор так ни на дюйм и не сдвинулись. Висят и висят.

— Эви, ты долго будешь стоять у окна? Отойди, а то, не ровен час, продует.

В голосе леди Шарлотты прозвучало беспокойство. Интересно, искреннее оно или нет?

— Эви, ты слышала? — не отставала тетушка.

Хотя какая она тетушка? Четвероюродная сестра моей матушки, по какой-то нелепой прихоти восплывшая ко мне внезапными родственными чувствами.

— Эви? — в голосе леди Шарлотты прозвучал металл.

Когда опекунша переходила на «свинцовый» тембр, благодарнее было послушаться. Это я уже успела понять.

— Сейчас, — тихо сказала в ответ, а потом задернула занавеску, подошла к камину и протянула к огню озябшие руки. Тонкие, белые, изящные, забывшие, что такое физический труд. И то! Разве можно считать трудом вышивание картин и составление букетов? Или вклеивание в альбомы фотографий и создание гербариев из засушенных цветов? Нет, конечно.

— Эви, подойди ко мне, присядь.

Леди Шарлотта легонько похлопала ладонью по дивану, указывая, куда именно я должна присесть.

— Да, миледи.

Оказавшись в опасной близости от своей благодетельницы, я почувствовала, как привычно засосало под ложечкой. Мерзкое

ощущение. Вроде бы ничего плохого не происходит, а ты все ждешь, ждешь, ждешь... И это ожидание сводит с ума, заставляя искать подвох даже там, где его нет.

— Дорогая, да ты вся дрожишь! — воскликнула герцогиня. — Мэри, принеси леди Эвелин теплую шаль, — обратилась она к служанке.

— Слушаюсь, миледи, — присела в книксене низенькая круглолицая Мэри.

Ее пушистые курчавые волосы, с которыми не могла совладать ни одна щетка, привычно выбились из-под наколки и застыли вокруг лица яркими рыжими сполохами.

— И скажи Марте, чтобы приготовила глинтвейн.

— Слушаюсь, миледи, — снова повторила Мэри и незаметно, как и подобает идеальной служанке, вышла из гостиной, а я настороженно покосилась на тетушку.

Леди Шарлотта выглядела уставшей. Резкие морщины в уголках рта, бледная кожа, мешки под глазами. Красивое, с правильными чертами лицо сейчас казалось слегка увядшим.

— Дай мне свою руку, Эви, — тихо сказала герцогиня.

Я протянула ладонь, и холодные пальцы впились в кожу запястья. В локоть словно ледяной молнией ударило, и я невольно дернулась, но герцогиня держала крепко.

— Завтра я отвезу тебя к портному, — искоса взглянула на меня леди Шарлотта. В ее черных, глубоко посаженных глазах отражалось кроненгаудское ненастье. — Выберешь парочку вечерних платьев.

— Разве у меня недостаточно нарядов?

Я удивленно уставилась на благодетельницу.

За те три месяца, что провела в Амвьене, я успела обзавестись целым десятком всевозможных платьев и костюмов. У меня за всю жизнь столько не было. Сколько себя помню, наша семья всегда едва сводила концы с концами, и даже деньги, что достались маменьке после смерти ее крестной, леди Грив, ничем не смогли помочь — они сразу же ушли в оплату долгов. Да у меня нарядного платья отродясь не водилось. А тут — и три прогулочных костюма, и пять вечерних платьев, и четыре утренних, и новое батистовое белье!

— Конечно, недостаточно, глупышка, — усмехнулась леди Шарлотта. Ее щеки слегка порозовели. — Тебе нужны еще как минимум четыре вечерних туалета, два костюма для верховой езды, ну и, разумеется, бальный наряд, — тонкие губы растянулись в улыбке. В глазах промелькнул жестокий темный огонек. Магия. Губительная магия Поглотителей.

Мне стало не по себе. Что, если однажды леди Шарлотта не сдержится и заберет мою жизнь? Вряд ли ее остановят родственные

чувства — жила же она спокойно пять лет, зная, что вся моя семья погибла во время эпидемии виры, а меня приютила из милости леди Вонк? Вот, кстати, еще один вопрос, который до сих пор остается без ответа. Почему герцогиня вспомнила о нашем родстве именно сейчас? Сама она как-то сказала, что рассчитывает сделать меня наследницей своего имени и состояния, но мне с трудом верилось в подобную щедрость. И все три месяца я присматривалась и прислушивалась, пытаюсь решить, что же на самом деле скрывается за щедростью леди Шарлотты, но приставать к ней с вопросами не решалась. Да и кто бы на моем месте решился?

— Ты боишься меня, Эви? — словно почувствовав мой страх, тихо спросила леди Шарлотта. А может, и почувствовала? Что я знаю о Поглотителях? Что вообще мы все о них знаем? В Кроненгауде не принято говорить о магии темных, не любят они, когда кто-то пытается раскрыть их тайны, потому и не приветствуют лишние разговоры и расспросы.

— Нет, миледи, — ответила я, настороженно глядя в пугающе черные глаза.

— Надеюсь, это так и ты мне не лжешь, — в тихом надтреснутом голосе послышалась грусть. Она казалась такой искренней, такой неподдельной.

— Нет, миледи, — снова ответила я, стараясь, чтобы слова прозвучали достаточно убедительно, а сама задумалась. Как же все-таки узнать, для чего герцогиня выгнала меня из Аухвайне и поселила в своем доме?

— Ты хочешь меня о чем-то спросить? — проницательно посмотрела тетушка.

Интересно, как ей это удастся? Стоит только о чем-то подумать, а леди Шарлотта уже об этом знает!

— Да, миледи, — собравшись с духом, ответила я и вскинула голову.

Глупая привычка, оставшаяся с детства. Маменька постоянно ругала меня за нее, но так и не смогла до конца искоренить «зловредный сорняк» в моем воспитании. К слову сказать, леди Вонк это тоже не удалось, хотя методы у нее отличались от матушкиных большей радикальностью.

— Ваша магия.

Я посмотрела на герцогиню и постаралась придать лицу наивное выражение:

— Вы расскажете мне...

Договорить я не успела. Черные глаза затянуло льдом. Бледные губы сжались в тонкую полоску.

— Мы не будем говорить о магии, Эвелин, — голос тетушки мог заморозить воду.

Я даже покосилась на стоящий на стеклянном столике графин, и мне почудилось, что на его хрустальных стенках появилась изморозь.

— Я предупреждала тебя, что ты не должна задавать лишних вопросов.

Казалось бы, высокий мелодичный голос и так звучал невыносимо холодно, но с каждым новым словом он становился просто невозможно ледяным.

У меня по спине пробежали неприятные мурашки.

— Ты слышишь, Эвелин? — тонкие пальцы сжались сильнее, и острые ногти пронзили кожу запястья.

— Да, миледи.

Ох, как же мне хотелось вырвать ладонь из захвата герцогини! Но я не смела.

Минуты бежали одна за другой, рука занемела, тишина казалась давящей.

— Иди к себе, Эви, — неожиданно сказала леди Шарлотта и отпустила мое запястье.

— Леди Эвелин, ваша шаль.

Мэри возникла рядом так тихо, что я вздрогнула и отшатнулась. Шелковая бахрома мазнула по кисти. На секунду мне показалось, что меня коснулась холодная змея, но я постаралась успокоиться и молча взяла у служанки расшитый яркими цветами палантин.

— Глинтвейн будет готов через минуту, миледи, — доложила Мэри.

— Отнесешь его в мою комнату, — тихо сказала леди Шарлотта и отошла к окну, словно не желая меня больше видеть. А может, так оно и было?

— Темной ночи, леди Шарлотта, — сказала я прямой, обтянутой пепельным атласом спине.

— Темных снов, Эви, — послышалось в ответ традиционное пожелание, но в голосе герцогини не было ни капли бывшего тепла.

Я смотрела на застывшую на фоне серого квадрата окна художавую фигуру, в который раз пытаюсь понять, что представляет из себя моя тетья и чего от нее ждать. Если бы разобраться в этом было так просто!

— Принести глинтвейн к вам в комнату, леди Эвелин? — тихо спросила меня Мэри.

Она была милой девушкой и всегда старалась прислушиваться к моим желаниям.

— Не нужно, — так же тихо ответила я и пошла к выходу.

* * *

В отведенной мне комнате было прохладно. Дрова в камине громко трещали, обещая жарко натопить большую, вытянутую в длину спальню, но, как и всегда, эти обещания оставались пустыми, а комната — холодной. Наверное, по-другому тут и быть не могло, ведь леди Шарлотта, как и большинство аристократов, не признавала технического прогресса, называя его «зловонной отрыжкой человеческого разума», и, соответственно, не пользовалась его плодами. И это в то время, когда в Амьене уже многие обзавелись котлами, отапливающими дома при помощи нагреваемых пластин, а яркие бирюзовые лампы заменили старинные магические ары! И почему высшие так привержены унылой старине?

Я привычно поежилась, плотнее закуталась в шаль и подошла к письменному столу, на котором лежал раскрытый атлас мира. Взгляд упал на огромную, выделенную жирной черной линией Дарт-Остенскую империю. Собственно, империей она стала не так давно. Еще десять лет назад на землях древней Экопеи было три отдельных королевства: Дартштейн, Кроненгауд и Остенбрюге. А потом дартский король Вильгельм воспользовался каким-то новым оружием, разработанным его магами, и захватил Кроненгауд и Остенбрюге, а за ними — и соседние Вакарию и Уждоль, и теперь империя занимает всю западную часть материка. Как говорил мой отец, дарты всегда были слишком жадными до чужого и любили прибрать к рукам то, что плохо лежит. Впрочем, чему тут удивляться? У нас в Кроненгауде даже поговорка есть: видишь дарта, переиди на другую сторону улицы, пока не попал в неприятности!

Я усмехнулась и перевернула лист. Вот наш Кроненгауд. Небольшой, состоящий всего из нескольких областей, каждая из которых выделена своим особым цветом. Взять, например, Кольдинг, один из северных уделов королевства. На карте он синий, как лед Вьены. Рядом с ним — желтый Ахгау, край бескрайних холмов и вересковых пустошей. А справа, у кромки Ненгаудского моря, — зеленый Штоллен. Там располагаются дорогие морские курорты и летняя резиденция принца Альберта. А вот мой родной Артам. Темно-серый, как пыль на улицах его городов.

Я провела пальцем по извилистым линиям границы и коснулась маленькой черной точки. Аухвайне. Небольшой шахтерский городок, в котором я прожила все девятнадцать лет своей жизни. Интересно, леди Вонк нашла кого-нибудь на мое место? Вспомнились крошечная комнатка на чердаке, хрусткий лед в тазу с водой и треснутый кувшин для умывания, темное бумажное

платье и грубый шерстяной фартук, которые я надевала каждое утро, прежде чем спуститься вниз и растопить печи и камины.

Я покосилась на глубокий, отделанный дорогим розовым мрамором очаг — не чета тем, что мне доводилось разжигать. Если бы он еще мог нагреть эту роскошную спальню!

Внутри мелькнула шальная мысль. Может, попробовать договориться?

Я с сомнением разглядывала пылающий огонь. Что будет, если леди Шарлотта узнает о моих необычных способностях? Вдруг они ей не понравятся? Или, наоборот, понравятся, и она попытается найти им применение? Нет, лучше не рисковать. Герцогиня Авенау — это вам не леди Вонк, у нее и мозгов, и магии куда как больше, и она с легкостью сумеет сложить два и два. Еще бы! Не может обычный бытовик общаться с огнем. Значит, что-то тут не так, и леди Шарлотта обязательно выяснит что.

Пламя загудело, облизнуло желтое полено и, сыто икнув, выплюнуло на решетку золотые искры. Они вспыхнули, зашипели, рассыпались яркими точками, оставляя тонкий слой пепла — белого, с тлеющими красными глазками и мелкими черными завитушками.

Мне нравилось смотреть на огонь. Было в нем что-то волшебное, то, что будило внутри воспоминания детства: небольшую, уютную гостиную, маму, сидящую у окна и штопающую чулки, играющего с деревянными солдатиками Ульрика, папу, читающего взятую у соседа газету. Тер Олаф всегда делился с нами свежей прессой, потому что, как и папа, любил порассуждать о политике. «Вот что я вам скажу, лорд Браге, — говорил он, попыхивая трубкой. — Не доведет нас империя до добра, попомните мои слова». А папа соглашался с ним и повторял свою излюбленную поговорку про дартов, у которых слишком длинные руки.

Я вздохнула и подошла к камину. Эх, если бы можно было вернуться обратно в детство, снова увидеть родителей и брата...

Огонь осторожно подкатился к моим ладоням, словно принюхивающаяся собака, и в этот момент сквозь шум дождя я слышала доносящийся снаружи слабый шорох. Что за чудеса? Любопытство толкнуло вперед, я прокралась к окну, осторожно отодвинула занавеску, приникла к стеклу и замерла, разглядывая лежащего под кустами можжевельника человека. Мужчина. Это был мужчина. Он скрючился под низкими хвойными лапами и смотрел на меня затравленным, измученным взглядом, каким смотрит обычно загнанный зверь. Дождь затекал за воротник его измазанного грязью сюртука, хлестал по лицу, крупными каплями падал с распущенных светлых волос на лоб и щеки, стекал по шее.

Единый, да он же едва живой! Откуда этот несчастный тут взялся? Как сумел пробраться мимо охраны?

Я разглядывала измученное лицо, невольно отмечая, что у мужчины красивые правильные черты и высокий лоб и что, несмотря на плачевный вид, он явно не беден. Об этом говорил и покрой сюртука с модным острым воротником, и выглядывающая из-под него белая манишка. Правда, сейчас она была, скорее, серой, но это из-за дождя и садовой грязи.

Пока я рассматривала чужака, тот так же пристально рассматривал меня. Не знаю, что он увидел, но взгляд мужчины изменился, и в мою сторону протянулась рука.

«Помогите», — прочитала по шевельнувшимся губам.

Внутри что-то дрогнуло. Я бросила взгляд на правое крыло особняка, где светились окна тетушкиной спальни, подумала пару секунд, прикидывая, что могу сделать и как незаметно выбраться из дома, и, накинув темный плащ, выскользнула в коридор. Боялась ли я, что незнакомец может причинить мне зло? Немного. Но не откликнуться на отчаянный призыв не могла. Так было принято в моей семье — если человек в беде, ему обязательно нужно помочь. Жаль только, что когда мы сами оказались в беде, не нашлось никого, кто протянул бы руку, и болезнь унесла моих родных, которых можно было бы спасти, если бы у нас нашлись деньги на шергенскую настойку. Но их не было. И не только у нас. Виру не зря назвали «эпидемией бедняков». Лекарство, которое поднимало на ноги даже самых безнадежных, стоило тридцать золотых. Баснословная сумма. Не знаю, почему я выжила, доктора потом долго удивлялись, а я, очнувшись от липкого двухнедельного бреда, узнала, что никого из моей семьи больше нет. Ни папы, ни мамы, ни брата. И что все знакомые, к которым мама обращалась за помощью, ей отказали.

Наверное, именно тогда я и дала себе обещание никогда не проходить мимо тех, кому могу помочь.

В просторном холле было темно. Парочка аров были слишком тусклыми, чтобы осветить огромное пространство, и лишь парадная лестница таинственно поблескивала витыми позолоченными балясинами.

Я постояла немного, прислушиваясь к тишине особняка.

«Только бы тетушка не спустилась вниз, — стучало внутри. — Только бы не встретить никого из слуг!»

Мне повезло. Прислуга в этот час собиралась за ужином в подвале, а леди Шарлотта привычно читала перед сном в своей комнате.

Я осторожно вышла из дома, аккуратно прикрыла за собой тяжелую кованую дверь и пробралась вдоль стены под окна своей

спальни. Мужчина был там. Он так и лежал, согнувшись каким-то невероятным образом, словно пытаясь слиться с ветками можжевельника, и заметить его в опускающейся на сад темноте было сложно.

— Кто вы? — спросила незнакомца.

Страх исчез. Остались только жалость и желание помочь. Да и чего бояться? Видно же, что этот несчастный сам смертельно напуган.

— Помогите, — попытавшись разогнуться, пробормотал мужчина. — Меня ищут. Я... Я не совершил ничего дурного. Пожалуйста!

Он побледнел, голос его звучал едва слышно, прерываемый стуком зубов, и я с трудом смогла разобрать произносимые слова.

— Кто вас ищет? Вы ранены?

— Нет. Пожалуйста...

Мужчина не договорил. Он опустил голову на руки и дышал так тяжело, как будто пробежал несколько десятков рье.

— Они найдут... и повесят меня... А я не делал... Не делал!

Последнее слово он выкрикнул хриплым шепотом.

И столько отчаяния слышалось в нем, столько боли было в усталых, покрасневших то ли от недосыпа, то ли от напряжения глазах, что я не стала раздумывать.

— Идти сможете? Я спрячу вас на конюшне. Переночуете и придете в себя, а завтра мы решим, что делать.

Мужчина шевельнулся и попробовал подняться, но пошатнулся и снова свалился в грязь.

— Подождите. Обопритесь на меня, я вас доведу.

Раньше мне часто приходилось сопровождать домой пьяного лорда Вонка. И зачастую нужно было попросту тащить его на себе, так что подобные «походы» были мне привычны.

— Вот так, держитесь за мои плечи. А теперь идем. Потихоньку. Осторожно.

Я переставляла ноги, придавленная тяжелым телом, и думала про себя, что за неполные три месяца уже успела отвыкнуть от обывденных «развлечений» моей недавней жизни.

— Аккуратно, тут яма, — предупредила своего подопечного, когда мы завернули за угол. — Потерпите, уже немного осталось.

Мужчина тяжело дышал и с трудом делал крохотные шаги, и мы передвигались гораздо медленнее, чем хотелось бы. Темнота была еще недостаточно густой, и я боялась, что нас могут увидеть. Мало ли — может, конюхи выйдут покурить или лакеи надумают воздухом подышать? Но, слава Единому, все обошлось, и мы, никого не встретив, добрались до конюшни.

Высокие двери закрылись за нами, я щелкнула пальцами и затеплила маленький огонек. Он застыл в воздухе робкой светящейся точкой.

— Вот тут вам будет удобно, — устроив незнакомца в одном из пустующих стойл, распрямилась и посмотрела по сторонам. В соседней, отделенной колоннами и дощатой стеной половине стояли в загонах породистые дартские жеребцы. Они похрупывали сеном и изредка смешно пофыркивали, в дальнем углу старинной каменной конюшни еле слышно пищали мыши. А здесь, в карантинной половине, в которой обычно держали приболевших лошадей, было пустынно и тихо.

— Я сейчас принесу вам немного еды, а вода есть в бочке, она чистая. Если хотите...

Я зачерпнула ковшом и поднесла незнакомцу.

— Благодарю, милая девушка, — отдышавшись и отпив несколько глотков, поднял на меня глаза мужчина. — Если бы не ваша доброта...

Он не договорил, нахмурившись и настороженно подняв руку, словно призывая меня к молчанию. Я прислушалась. За стенами раздавался лай собак и грубые мужские голоса.

— Орсон, за кустами посмотри! — прозвучало совсем близко. — Он не мог уйти, тут тупик.

Так и было. Дом леди Шарлотты выходил на улицу Олленбрау, которая заканчивалась высокой глухой стеной.

— Это они! — вцепившись в мою руку, прошептал побледневший незнакомец. — Не выдавайте меня, умоляю!

— Кто — они?

— Магический патруль!

На высоком лбу выступил крупный пот. Меня и саму едва в пот не бросило.

Патруль магов? Вот уж упаси Единый попасть к ним в лапы! Про Черную стражу в Кроненгауде ходили самые страшные слухи. И про бесчеловечные пытки, которые они применяли, и про Чтецов, выворачивающих сознание несчастных узников наизнанку, и про ужасы тюрьмы Саухвайне.

Я смотрела на мужчину, внимательно разглядывая его лицо. Как же он попал в лапы магстражи? Правильные черты, умные голубые глаза, ровные густые брови, светлая щетина на щеках. Как сказала бы леди Вонк, породу и под попоной не скроешь.

Что же он натворил? Впрочем, что бы он ни сделал, но выдать его черным мундирам — все равно что обречь на верную смерть.

— Не бойтесь, — сказала я как можно тверже и посмотрела на беглеца. — Здесь вас никто искать не будет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Да и как могло быть иначе? Разве рискнет кто-то обыскивать дом герцогини Авенау?

Я прислушалась к приближающемуся лаю.

— Лежите тихо, я вас сейчас сеном прикрою, чтобы конюхи не заметили, но они обычно сюда не заходят. Главное, утром не шумите.

Конюшня у леди Шарлотты была особенной. Большая, построенная во времена Эдуарда Смелого, она казалась настоящим памятником эдвардианской архитектуры. Толстые стены, арки и колонны, барельефы на фасаде и скульптуры при входе. Не конюшня, а настоящий дворец!

— Вы действительно уверены, что меня не найдут? — в голубых глазах застыла тревога.

— Ведите себя тихо, и все будет хорошо. Сюда месяцами никто не заглядывает.

— Мне бы только пару дней отсидеться, а потом я уйду, — заверил меня незнакомец.

Я не стала ничего говорить. Окинула взглядом помещение, подумала немного, сгребла лежащее в противоположном углу сено поближе к мужчине и подтянула оставшуюся от Снежка попону.

— Давайте я вас прикрою. Так и теплее, и надежнее.

Беглец ничего не ответил. Он все еще напряженно прислушивался к раздающемуся за стенами лаю.

— Не бойтесь, вас не найдут. Главное, никуда не выходите.

Я еще раз посмотрела на вжавшегося в стену незнакомца и пошла к выходу.

* * *

За воротами конюшни было прохладно. Дождь наконец-то стих, оставив после себя огромные лужи. Ветер пробрался под тонкий плащ, заставив поежиться, и я бегом припустила к дому, мечтая поскорее оказаться в тепле.

— Страут! Ты в кустах хорошо смотрел? — послышался из-за забора грубый мужской голос.

— Нет там никого! — ответил ему другой, низкий и простуженный, и его обладатель тут же закашлялся. — Проклятая погода! Угораздило ж треклятого висельника именно сегодня сбежать.

Висельника? Выходит, несчастного беглеца в Амвьен на казнь привезли? Святые небеса! Только этого не хватало!

В Амвьене — бывшей столице королевства — находилась тюрьма для совершивших преступления магов. Их свозили со всего Кроненгауда. Кто-то оставался в Саухвайне на долгие годы, а кого-то

сразу казнили на Висельной площади. Там стоял почерневший от времени и пролитой крови эшафот, и редкий год обходился без очередного повешения или отсечения головы.

Вот и моего несчастного подопечного, видимо, привезли на казнь. Страшная участь.

Я осторожно, стараясь не шуметь, прокралась в дом и добралась до своей комнаты.

«Слава Единому, никто не заметил», — с облегчением вздохнула, убирая магией приставшую к подолу грязь. Правда, не успела порадоваться своей удаче, как в дверь постучали.

— Да?

— Леди Эвелин, ее светлость велели вам прийти в гостиную, — просунулась в открывшийся проем голова Мэри.

— А что случилось?

Я старалась говорить спокойно, даже немного сонно, а сама пыталась встать так, чтобы служанка не заметила влажный подол моего платья.

Но Мэри была так взбудоражена, что ничего вокруг не видела:

— Ох, леди Эвелин, там полный дом солдат! Говорят, висельник какой-то сбежал, опрашивают всех, не видел ли кто высокого худощавого тера в сером костюме.

Я постаралась выровнять сбившееся дыхание. Неужели стражники будут обыскивать дом?

— Ты иди, Мэри, я сейчас приду, — отослала я служанку, а сама, дождавшись, пока веснушчатое лицо исчезнет за дверью, с помощью простенького заклинания быстро привела себя в порядок, поправила растрепавшиеся волосы и вышла из комнаты.

В коридоре было шумно. Слуги встревоженно шушукались, в холле застыли двое стражников в ненавистных черных мундирах, перед гостиной толпились лакеи и горничные. Увидев меня, они моментально замолчали и расступились.

— Проходите, леди Эвелин, — поклонился дворецкий Гроу, пропуская меня вперед. Его лысина блеснула в свете ламп, как раскрашенный золотом праздничный орех. — Миледи вас ждет.

Я кивнула и вошла в распахнувшиеся двери. В нос ударило запахом мокрой псины и крепкого табака, а в глазах потемнело от запыливших комнату солдат. Это от их промокшей черной формы шел такой неприятный, одуряющий дух.

— Эви, — посмотрела на меня тетушка.

Она сидела в кресле у окна и опиралась на свою любимую трость из черного дерева. Тонкие, униженные кольцами пальцы крепко сжимали серебряный набалдашник.

— Подойди, — тихо сказала герцогиня.